

А.Е. Аникин

СЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКА НА НЕСЛАВЯНСКОМ ФОНЕ.
ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ (1–7)¹

1. Первый раздел этой статьи уместно начать с обращения к коми-зырянскому слову *буба* ‘пугало, чучело, бука, страшило’, диал. *бубыля, бубиля, бубуля, бубуня*, ‘бука’². Указывалось, что из коми заимствованы манс. север. *рира* ‘медведь (одно из названий, используемых женщинами)’, ‘божок, болван, истукан’³, хант. вост. *рири* ‘медведь’ и др.⁴ Происхождение же самого коми *буба* не уточняется (Лыткин–Гуляев, 41).

Между тем, у этого слова есть лежащие на поверхности индоевропейские параллели, из которых следует выделить славянские и балтийские. Речь идет о рефлексах праслав. **buba*, **bubakъ* ‘пугало, страшило, которым пугают детей’, выявляемых в южно- и западнославянских языках (польск. диал. *buba, bubak*, болг. *буба*, макед. *буба*, чеш. *bubak* и т.п., см. Słownik prasłowiański I, 432), а также о лит. *būbis* ‘страшило’, *baūbas, baubà* ‘страшилище, бука’, лтш. *bubis, bubēlis, bubulis* ‘пугало, страшило, которым пугают детей’, *buba* ‘чужак; вошь’, лит. *baūbti*, лтш. *baubt* ‘реветь’, лат. *baubārī* ‘выть’ и др. (Fraenkel, 37; Топоров. Прус. яз. А–D, 201). С оноματοпеическими истоками данного материала согласуется симметрия губных согласных (*b-b – m-m*) в указанных фактах и в лит. *taūmti* ‘мычать’, *taūmas* ‘пугало, которым пугают детей’, ‘бука’, праслав. **tuta* ‘пугало, бука’ (ЭССЯ 20, 188)⁵.

Коми *буба*, в принципе, может быть объяснено как оригинальное оноματοпеическое образование (ср. Mashek² 74 – без коми материала). Но точность его схождения с рефлексами праслав. **buba*, лтш. *buba* указывает скорее на наличие более тесной связи. Проще всего допустить, что рефлекс праслав. **buba* существовал не только в южно- и западнославянских языках, но и в русском (точнее, севернорусском), откуда и был заимствован в коми. Сев.-рус. **буба* могло быть вытеснено сходным рус. *бука* ‘нелюдим, угрюмец; страшило, которым пугали детей; мифическое существо’ < праслав. **buka* (ЭССЯ 3, 87). Ср. коми *бука* ‘бука’⁶ < рус.

Если сказанное верно, то коми *буба* является лексическим реликтом, аналогичным, например, фин. *kurkki* и др. ‘горло’ < слав. (др.-новг.) **kьrkъ* ‘шея, горло’ (в ЭССЯ 13, 218 праслав. **kьrkъ* дается почти исключительно как южно- и западнославянское)⁷. Заимствование в коми из балтийского маловероятно географически. Гипотетические балтиз-

мы в пермских языках предполагают иноязычное посредство⁸. Едва ли есть смысл допускать, что коми *буба* – древнее индоевропейское заимствование, подобное, например, коми *varges* ‘хитрый, лукавый, черт’, ср. праслав. **vorgъ* ‘враг’, лит. *vařgas* ‘горе, беда’ и др.⁹

2. Рус. пск. *dáca* ‘вид кровяной колбасы’ (*дасы из больших кишок делаем...*, см. Псков. словарь 8, 128) – явное заимствование из лтш. *dēsa* ‘колбаса’ (о последнем см. Kačulis I, 120). Поскольку *dáca* обозначает вид кровяной колбасы, уместно привести латышское выражение *dēsas liēt* ‘изготавливать колбасу’ (букв. ‘лить колбасы’), относящееся именно к колбасам с кровяной начинкой (Топоров. Прус. яз. L, 44).

3. Рус. диал. *колтáть*, укр. *ковтáти*, блр. *каўтáць* ‘глотать’ толкуются как продолжения звукоизобразительного и экспрессивного праслав. **kǫltati* (ЭССЯ 13, 190–191). Это толкование можно дополнить указанием на узб. *qult*, перс. *qūlt* ‘подражание звукам, возникающим при глотании’, кирг. *qylt* ‘шум глотания при питье’¹⁰. Речь идет, вероятно, не о заимствовании из тюркского или персидского в славянский, а о простом совпадении ономастических слов, передающих звуки глотания, глотка́. Тем не менее, это совпадение можно расценить как свидетельство в пользу отделения **kǫltati* ‘глотать’ от **kǫltati* в других значениях (ЕСУМ 2, 486–487).

4. Блр. диал. (Гродненщина) *мяк* ‘налим’ (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 3, 101), относимое в ЭССЯ (18, 246) к праслав. **meĭkъ*, было вместе с тем сопоставлено с лит. *mėnkė* ‘треска’, диал. также ‘налим’ (последнее значение, видимо, первичное, имеет ареал, практически смежный с ареалом белорусского слова), лтш. (курш.) *meĩsa*, *meĩse* и др. ‘треска’¹¹. Это сопоставление целесообразно уточнить в том смысле, что белорусское слово является, скорее всего, ранним субстратным элементом, при усвоении которого из балтийского (ятвяжского?) источника типа **menkē* -en- в закрытом слоге еще дало -e-. Значительно позднее из лит. *mėnkė* было усвоено блр. (с 1539 г.) *мянка* ‘треска’¹². Не исключено родство балт. **menkē* с праслав. **meĭk-* ‘мягкий’ и упомянутым **meĭkъ* (Fraenkel, 436). Правда, само **meĭkъ* представляется небесспорным. Праславянская древность относимых к этой реконструкции словин. *m’qk* ‘бросок’ и рус. диал. *мяк* ‘тупой удар’ (ср. *ш-мяк*), а также правомерность совмещения данных девербативов со словенским субстантивированным адъективом *měk* ‘сырой выгон у реки’ и рассмотренным блр. диал. *мяк* (ЭССЯ 18, 246) не кажутся достаточно надежными.

5. В статье ЭССЯ **пагътъ*/**пагъты*/**пагъта* обращают на себя внимание блр. *нарт*, *нард* ‘упрямое, сердитое дитя или животное’, *нарт* ‘упрямый человек, который делает все по-своему’, рус. смол. *нарт* ‘о дерзком, упрямом, нахальном человеке’, *нартиться* ‘упрямиться’ (ЭССЯ 23, 21–22). Семантически они выделяются из круга анализируемых в статье анатомических терминов (‘пятка; подъем ноги; верхняя часть стопы’), названий верхней части обуви, а также коньков, лыж и др.

Объяснение слов в значении 'упрямец', 'упрямиться' из **na-rъt-* (Фасмер III, 45–46) уязвимо в том отношении, что ареал этих апеллятивов ограничен белорусскими и русскими смоленскими (в основе своей белорусскими) говорами. С таким ограничением лучше согласуется объяснение блр. *нарт* из источника типа лит. *nartùs* 'норовистый, упрямый'¹³, ср. *naĩtas* 'норов', *nartĩni* 'сердить', родственные праслав. **norъ* (Фасмер III, 84; Топоров. Прус. яз. Е–Н, 82–83).

У этого решения, однако, тоже есть сложность, а именно, наличие коми *нарт* 'безжалостный, доводящий до изнурения, притесняющий', диал. также 'упрямый, своенравный, непослушный'¹⁴. Нельзя, конечно, исключить случайного совпадения коми слова с блр. *нарт*¹⁵, но настаивать на этой возможности трудно, особенно с учетом блр. *нарт*, *анарт* 'деспот, который диктует свою волю всем членам своей семьи и другим людям; упрямец'¹⁶. Поскольку коми *нарт* не имеет надежной финно-угорской этимологии (ср. Лыткин–Гуляев, 186), а прямое заимствование из балтийского в коми практически исключено, приходится еще раз (см. № 1) допускать утраченный русский источник, точнее, сев.-рус. **нарт* (> коми). Это слово могло быть вытеснено хорошо известным сев.-рус., сиб. *урос* 'упрямец; капризный ребенок' (также 'норовистая лошадь'), колым. 'неудача на промысле', сюда же, видимо, казан. *урьсь* 'дурная привычка, дурной характер' (Фасмер IV, 169), камч. *урьсь* 'упрямая лошадь' < ? коми *урӧс* 'беда, несчастье, неприятный случай'¹⁷.

Возможность существования апеллятива *нарт* 'упрямец, деспот' не только на западе (северо-западе) восточнославянского ареала свидетельствует в пользу его объяснения из праслав. **na-rъt-*. Эта этимология, в том числе ее семантическая правомерность, подтверждается содержащими тот же корень **rъt-*¹⁸ фактами типа рус. (а) *ртáчиться* 'упрямиться, не слушаться вожжей', *нартáчить* лошадь 'изноровить, портить дурной выездкой' (Даль² II, 462)¹⁹.

Что касается рефлексов праслав. **narъt-* в значениях 'часть ноги', 'часть обуви', 'лыжи', то к ним вслед за В. Кипарским и Ф. Славским можно с достаточной долей уверенности отнести и сев.-рус., урал., сиб. *нárта*, *нárты* 'сани с широкими полозьями из лыж' (Филин 20, 134)²⁰, связанное с севернорусской (а ранее, видимо, новгородской) колонизацией русского Севера и Сибири. Значение 'нарты', вероятно, из 'лыжи', ср. рус. диал. *нárты* 'лыжи' (Слов. Карелии 3, 366), совпадающие по значению с польск. *narty*, диал. *arty*, блр. диал. *нárты*, др.-рус. *р(ѣ)ты*, рус. (и) *рты* то же (Фасмер III, 509)²¹. Островной ареал рус. костр. *ротница* 'лыжня' послужил основанием для вывода о субстратном (мерянском) происхождении этого слова (ср. фин. *rata* 'тропа, дорога, путь' и др.)²², но оно, скорее всего, связано именно с др.-рус. *р(ѣ)ты* 'лыжи': *ротница* < **рѣтъница*. В плане словообразования ср. рус. *льжница* 'лыжня' (Даль² II, 275).

Этимологической связи между рус. *нárты* и коми *норт* 'нарты', удм. *нурт*, морд. *нурдо* 'сани', видимо, нет²³. Не исключено, что коми

слово в силу большого сходства с рус. *нарты* могло способствовать семантическому сдвигу 'лыжи' > 'нарты', но и это допущение не обязательно, ср. словен. диал. *gíše* 'короткие санки'. Эвенк. *nārtə* и др. 'сани', орок. *nārta*, *na'ārta*, якут. *dānda* 'нарта', несомненно, русского происхождения²⁴. Основанное на указанном тунгусо-маньчжурском, финно-угорском и русском материале суждение о "древнем арктическом бродячем слове"²⁵ нуждается в ревизии.

6. Укр. *одягати(ся)* 'одевать(ся)' сопоставляется со словен. *degāti* 'бросать, метать (камни и др.)', *za-degāti* 'положить себе на плечи тяжесть', *degāti se* 'ссориться, браниться', с.-хорв. чакав. *degati se* 'препираться' (Słownik prasłowiański III, 95)²⁶. Украинский глагол оказывается важным аргументом в пользу реконструкции для южнославянских фактов праслав. **degati* 'бросать, кидать', **deḡati se* 'ссориться, цепляться' (там же) и отказа от альтернативного **deḡati (se)*.

Представляется, что реконструкция с -е- перспективна, а отношение значений 'одевать(ся)' и 'бросать, кидать' может быть уточнено. Мотивировка их связи, вероятно, та же, что в случае с лит. *apsimėsti* в значении 'одеться, нарядиться' при *apmėsti* 'прикрыть', *mėsti* 'бросить, метнуть, покинуть'. Здесь же уместно указать на блр. диал. *акідацца* 'одеваться', связанное с блр. *акідаць*, *акінуць* 'откидывать, забрасывать, покидать', укр. *обкидатися* 'откидывать', ср. рус. *накинуть* (пальто и т.п.), аналогично укр. *накинути*, польск. *narzucić*²⁷. Блр. *акідацца*, вероятно, калька лит. *apsimėsti*.

Существенно наличие в семантике относимых к **deḡati (se)* глаголов идеи 'силы, здоровья (тяжести, крепости)', что согласуется именно с вариантом реконструкции **deḡ-*. Н.И. Толстой толковал словен. *degāti* как 'бросать, метать (с силой)' и цитировал серб. фольк. *Zачује ће се двојица у велико дегају* 'услышал, как двое дерутся, применяют силу друг против друга'. Эти и другие аргументы Н.И. Толстого²⁸ позволяют увидеть тесную связь между словен. *degāti* и близкими южнославянскими фактами, с одной стороны, и, с другой, рус. арх. *дѣгнуть* 'крепнуть, набирать силу' (< **deḡnqti*), *одягнуть(ся)* 'поправиться, выздороветь', а также рефлексам праслав. **dega* 'ремень, пояс' (ср. пояс как символ мощи, силы), **deḡъ* 'ремень', 'полоса лыка' (= 'поясок'), 'сила, рост' (ЭССЯ 5, 26; Słownik prasłowiański III, 96). Для подтверждения *-е- в словен. *degāti* и др. особенно важна связь с праслав. **dḡg-/ *dḡž-*, ср. польск. *dążyć* 'одолевать, побеждать', диал. (*idzie*) *w dąg* 'на пользу (о еде)' (Słownik prasłowiański IV, 198–200), праслав. **ne-dḡḡъ* 'недуг'. Показательно отношение между цитированным словен. *za-degāti* 'положить (= забросить) себе на плечи тяжесть' и укр. диал. *дѣга* 'нечто большое, тяжелое' (ЕСУМ 2, 152) < **dega*, ср. и словен. *dēga* 'ремень от ярма; ремень для переноски тяжестей' (Bezljaj I, 96). В колымско-русском речении *ни одяга нету* 'целого места нет (об изодранной вещи)' (Филин 23, 71) слово *одяг* значит 'целое ("живое"²⁹) место на вещи', ср. возможность истолкования укр. *одяг* 'одежда' как 'то, что накинуто'.

Естественно думать о сравнении рассматриваемых фактов с лит. *deñgti, dengiù* ‘крыть, покрывать’, ‘одевать, приодеть’, ‘скрывать’ (в ЭССЯ 5, 24–25 реконструируется несохранившееся праслав. **dęgt'i* = лит. *deñgti*), *ap-dangà* ‘покрытие, одежда’. Для подтверждения этого сравнения требуется, однако, ревизия отношений и.-е. **dhengh-* ‘достигать, крепко схватывать; крепкий, сильный’ > праслав. **dęg-* и и.-е. **dhengh-* ‘давить, сгибать, покрывать’ > лит. *deñgti* (ср. Pokomy I, 250).

Упомянутая альтернативная реконструкция праслав. **dęgati* (*sę*) для словен. *degáti* и т.п. опирается на внешне правдоподобные внеславянские параллели – лит. *diegti* ‘колоть’ (ЭССЯ 4, 228), *daigóti* ‘бить, убивать, истреблять’, *daigótiš* ‘ссориться, браниться’³⁰. Однако, реконструкция с -*ę*- все же менее выигрышна, нежели реконструкция с -*ę-*. Праслав. **dęgnqti* (ЭССЯ 5, 205), которое могло бы свидетельствовать в пользу **dęg-*, подвергнуто серьезным сомнениям (ЕСУМ 2, 151).

7. Блр. диал. (Гродненщина) *сакмó* ‘след, знак ноги на пашне, на песке’ было объяснено как балтизм, связанный с лит. *sekmė* ‘успех’, *sėkti* ‘следовать’, *sekomis* ‘вслед, следом’³¹. Более целесообразным представляется, однако, сравнение белорусского диалектизма с известным в русских говорах Поволжья, Приуралья, Сибири словом *сакма́* (*сáкма*), *сáкмы* мн. ‘след (ноги человека или ноги/лапы животного); тропа, колея’ (Даль² IV, 129³²) < тюрк. (тат.) *sok-ma*, от *sok-* ‘ударять, бить, убивать’, ср. казах. *соқта* ‘ухаб на дороге’, бараб. *соқта* ‘ступка’, а также тюрк. *sok-mak* > чагат. *соқтақ*, тат. *суқтақ* ‘тропинка’ (Фасмер III, 547; Räsänen, 426³³). Тюркизмы в белорусской лексике, как известно, составляют весьма значительный пласт. Удаленность блр. *сакмó* от ареала рус. *сакма́* делает их прямую связь маловероятной, но тюркский источник и для *сакмó*, вероятно, был *sokma* (например, в языке “белорусских” или “литовских” татар³⁴). Ауслат на -*ó-* в белорусском может указывать на вторичный сингулатив.

Примечания

- ¹ Данная работа выполнена при финансовом содействии Российского гуманитарного научного фонда, проект № 98-04-06372.
- ² Wiedemann F.J. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch. СПб., 1880, 18; Жилина Т.И., Сахарова М.А., Сорвачева В.А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961, 28.
- ³ Rédei K. Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest, 1970. 132.
- ⁴ См. подробнее: Терешкин Н.И. Словарь восточнохантыйских диалектов. Л., 1981, 384; Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Lief. X. Berlin, 1984, 1194; Toivonen Y.H. Über die syrjänischen Lehnwörter im Ostjakischen // Finnisch-ugrische Forschungen 32. 1956, 49–50.
- ⁵ Аникин А.Е. Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии. Материалы для праславянского словаря. Вып. I (**a-*– **go-*). Новосибирск, 1997, 81–82. Венг. *tutus* ‘страшило’ (*Machek*², 74). возможно, славизм.

- 6 Жилина Т.И., Сахарова М.А., Сорвачева В.А. Указ. соч., 28.
- 7 Хелимский Е.А. О нескольких лексических реликтах новгородской и севернорусской колонизации // Русский язык и языки народов Крайнего Севера. Проблемы описания контактных явлений. Тез. докл. Всесоюзной научно-практической конференции. Л., 1991, 89–90.
- 8 Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos istorija. I. Lietuvių kalbos kilmė. Vilnius 1980, 176.
- 9 Helimskij E. Permi szöfejtések // Nyelvtudományi Közlemények 86. 1984, 199.
- 10 Тюркские и персидские факты см.: Doerfer G. Türkische Elemente im Neupersischen. Bd. IV. Wiesbaden, 1975, 299; Радлов 2, 782.
- 11 Аникин А.Е. Из восточнославянско-восточнобалтийских параллелей // Славяноведение 1992, № 6, 68–71.
- 12 Лаучюте Ю. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982, 48.
- 13 Там же, 56.
- 14 Жилина Т.И., Сахарова М.А., Сорвачева В.А. Указ. соч., 235.
- 15 Согласно И.Г. Добродомову (устное сообщение), коми *нарт*, а, возможно, и блр. *нарт* – не говоря о ряде других фактов – происходит из источника, близкого осет. *Nartæ*, *Nart*, наименованию героев осетинского эпоса. Более осторожным представляется считать созвучие осетинского и коми слов случайным.
- 16 Лаучюте Ю. Указ. соч., 56.
- 17 Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997, 614–615, 617. Допускалось и заимствование из русского в коми (*Wichmann Y. Syrjänischer Wortschatz. Bearb. und hrsg. von T.E. Uotila. Helsinki, 1942, 314*), что менее вероятно (ср. *Лыткин–Гуляев, 298*).
- 18 Праслав. **гьтъ* (ср. **гьтъ* ‘острие, кончик’, ‘рот’ и др.) связано с **гьти*, **гьтj* ‘рыть’, но не с **гьвати*, **гьвq* ‘рвать’ (*Николаев С.Л., Старостин С.А. Парадигматические классы индоевропейского глагола // Балто-славянские исследования 1981. М., 1982, 332*). Упомянутое **гьтъ*, скорее всего, является славянским новообразованием (о нулевом вокализме корня см.: *Варбот Ж.Ж. О некоторых характеристиках суффиксального именного отглагольного словообразования в праславянском языке (на материале древнерусского языка) // Этимология 1965. М., 1967, 111*) и едва ли продолжает индоевропейское пассивное причастие **ru-to-* (ср.: *Ślawski F. Das urslawische Suffix -tъ // Wiener slawistisches Jahrbuch 22. 1976, 76*). Соответственно, нельзя преувеличивать сходство между **гьтъ* и лат. *gūta* в выражении *gūta et caesa* ‘вырытое и срубленное’.
- 19 См. подробнее: *Львов А.С. Из лексикологических наблюдений // Этимология 1970. М., 1972. 217–220*.
- 20 Русский материал см. также: *Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири... , 421–422*.
- 21 *Ślawski F. Narty // Lingua viget. Commentationes slavicae in honorem V. Kiparsky. Helsinki, 1965, 120–122*.
- 22 *Востриков О.В. Финно-угорский субстрат в русском языке. Свердловск, 1990, 81*.
- 23 Старая этимология рус. *нарты* < коми *норт* (*Kalima J. Syrjänisches Lehngut im Russischen // Finnisch-ugrische Forschungen 18. 1927, 33; Лыткин–Гуляев, 194*) проблематична фонетически и недооценивает факты других славянских языков. Сказанное не противоречит объяснению рус. арх. *норта* ‘челнок-зюлкова’ из коми *норт* (*Матвеев А.К. Финно-угорское заимствования в говорах Русского Севера I // Этимология 1994–1996. М., 1997, 127*).

- ²⁴ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I. Л., 1975, 586.
- ²⁵ Joki A. Die Lehnwörter des Sajansamojedischen. Helsinki, 1952, 238.
- ²⁶ “Праславянский словарь” здесь следует за Ф. Безлаем, см.: *Bezlaj F. Eseji o slovenskem jeziku*. Ljubljana, 1967, 136.
- ²⁷ Чекман В.Н. К проблеме литовско-белорусских лексических связей // *Baltistica* VIII. 2. 1972, 152.
- ²⁸ Толстой Н.И. Избранные труды. Т. I. Славянская лексикология и семасиология. М., 1997, 264.
- ²⁹ Ср. рус. *живого места нет* ‘о том, кто избит, изранен’.
- ³⁰ В с.-хорв. *degati se* и лит. *daigótis* ‘ссориться’ усматривалась южнославянско-балтийская изоглосса без участия восточно- и западнославянских языков (см. Откупщиков Ю.В. Балто-славянская проблема (лексический материал и методы исследования) // *Baltistica* XXIV. 1. 1988, 12.
- ³¹ Непокупный А.П. Балтийская лексика в словаре “Беларускія геаграфічныя назвы” // *Baltistica* VIII. 1. 1972, 102.
- ³² См. также: Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984, 493.
- ³³ См. также: Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири..., 495–496; Stachowski M. Notizien zur Etymologie der tschulymischen Gerätenamen // *Journal de la Société Finno-Ougrienne* 87. 1997, 244.
- ³⁴ Журавский А.И. Лексика тюркского происхождения в старобелорусском языке // Тюркизмы в восточнославянских языках. М., 1974, 93.

Ж.Ж. Варбот

К ЭТИМОЛОГИИ ПРАСЛАВЯНСКОГО НАЗВАНИЯ ИНЕЯ

Длительная история этимологического исследования праславянского названия инея, которое до недавнего времени всеми реконструировалось в форме **ǰьньǰь*/**ǰьньǰе*), выразилась в многочисленных версиях, в значительной степени корректирующих друг друга и убеждающих как в древности слова, так и в сложности его истолкования, вследствие чего авторы этимологических словарей обычно завершают соответствующие словарные статьи заключением о неясности происхождения лексемы. Наиболее известны и обоснованы следующие гипотезы: родство **ǰьньǰь* с лит. *ynis* ‘инея’ (Miklosich 96, далее так же Trautmann 104, Skok I, 727, Machek² 22 и нек. др.), но ср. мнение о вероятности заимствования балтийского слова из славянских языков (начиная с Педерсена¹ и кончая ЭССЯ 8, 236); родство **ǰьньǰь* с др.-прус. *ennoys* ‘лихорадка’ (при условии конъектуры прусской фиксации – *einoyis*) и происхождение из и.-е. **ein-* – основы, вариантной по отношению к **eis-* ‘лед, холод’, – гипотеза Траутмана (см. Топоров. Прус. яз. Е–Н, 52), но ср. критику вероятности и необходимости конъектуры в прусском Топоровым (там же): балтослав. **inja*/**inija* < и.-е. **ein-* как варианта и.-е. **eis-* (без прусского материала, см. Pokorny I, 301); возведение слав. **ǰьньǰь* к **ǰьsnija*, про-